

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ОХОНИНЫ БРОВИ»

Аболина Т. М.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5076-009X>

Аннотация. Цель настоящей работы – рассмотреть образ главного героя исторической повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови», раскрыть проявления самобытно-национального начала в чертах его характера, типе сознания, ценностных мотивировках поступков. В статье рассмотрены история создания повести, возможные прототипы главного героя. В советской литературной критике основное внимание при анализе этого образа уделялось его комической стороне, которая была почерпнута Маминым из фольклорных источников. В современном литературоведении с его обновленной методологической базой исследований появился целый ряд работ, где внимание обращено к другой, более сложной стороне образа Арефы. По мнению автора статьи, рассматривая проявления самобытно-национального начала в характере главного героя повести, необходимо учитывать социальный статус Арефы, его принадлежность к одному из разрядов церковнослужителей, к христианской культуре. В этом образе автор подчеркивает такие национальные свойства характера, как сила духа, физическая и нравственная стойкость, забота о других. Жизненные невзгоды главный герой переносит со свойственной русскому человеку терпеливостью, кротостью, молитвенным настроением. Приверженность христианским ценностям проявляется у Арефы в том, как он относится к пугачевскому восстанию и к старообрядцам: в статье доказывается, что нежелание Арефы быть на стороне пугачевцев вызвано слухами о том, что Пугачев является раскольников. Таким образом, Мамин подчеркивает, что Арефа – не просто набожный дьячок из монастыря, но человек глубоко верующий, строго следующий православным представлениям о расколе как о заблуждении и грехе. В работе показано, что повесть посвящена не только историческим событиям, но обращена к духовным ценностям и семейным отношениям, которые оказываются для Арефы самыми важными. Мамин также наделяет главного героя повести необыкновенно сильным чувством любви к своей малой родине – еще одной национальной чертой русского человека.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк; исторические повести; «Охонины брови»; Зауралье; русский человек; национальный характер; этнопоэтика; художественная аксиология; нравственные ценности

Для цитирования: Аболина, Т. М. Русский национальный характер в исторической повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» / Т. М. Аболина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 67–76. – DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-06.

RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN THE HISTORICAL NOVEL BY D. N. MAMIN-SIBIRYAK “OKHONYA'S EYEBROWS”

Tatyana M. Abolina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5076-009X>

Abstract. The aim of this work is to consider the protagonist of the historical novel by D. N. Mamin-Sibiryak “Okhonya's Eyebrows”, to reveal the manifestations of the original national principle in his personal traits, the type of his consciousness and his value-based motivations. The article discusses the history of the creation of the novel and the possible prototypes of the protagonist. In Soviet literary criticism focused on the comic side of this character, which was borrowed by Mamin from folklore sources. In modern literary criticism, with its renewed methodological principles of research, a number of works have appeared, in which attention is drawn to another,

more complex aspect of the character of Arefa. According to the author of the article, while considering the manifestations of the original national principles in the personal traits of the protagonist of the novel, it is necessary to take into account the social status of Arefa, his belonging to the clergy and to Christian culture. The author emphasizes in this character such national personal traits as fortitude, physical and moral stamina, and concern for others. The protagonist endures the hardships of life with the patience, meekness and prayerful mood characteristic of a Russian person. Arefa's adherence to Christian values is manifested in the way he treats the Pugachev uprising and the Old Believers: the article proves that Arefa's unwillingness to be on the side of the Pugachevites is caused by the rumors that Pugachev is a schismatic. Thus, Mamin emphasizes that Arefa is not just a devout deacon from a monastery, but a deeply religious person who strictly follows Orthodox ideas about schism as a delusion and a sin. The paper shows that the novel is devoted not only to historical events, but also to spiritual values and family relationships, which are the most important for Arefa. Mamin also endows the protagonist of the novel with an unusually strong feeling of love for his small homeland (his native place) – another national trait of a Russian person.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiryak; historical novels; "Okhonya's Eyebrows"; Zauralye (Trans-Urals); Russian people; national character; ethnopoetics; artistic axiology; moral values

For citation: Abolina, T. M. (2023). Russian National Character in the Historical Novel by D. N. Mamin-Sibiryak "Okhonya's Eyebrows". In *Philological Class*. Vol. 28. No. 1, pp. 67–76. DOI: 10.51762/IFK-2023-28-01-06.

Феномен русского национального характера осмысляется представителями самых разных социально-гуманитарных сфер знания: культурологами, философами, антропологами, психологами, религиоведами. В этом отношении особое место занимает отечественная словесность. От древнерусских памятников письменности до современной литературной ситуации писатели и поэты стремились разгадать тайну русской души, проникнуть в суть русского национального характера. Большой вклад в раскрытие этой проблематики внесли писатели-классики XIX в. – А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков и многие другие, в чьем творчестве были глубоко осмыслены национально репрезентативные типы поведения русского человека. В этот временной период, особенно во второй половине столетия, продолжает активно развиваться литература Урала, ярким представителем которой является Д. Н. Мамин-Сибиряк. Уникальное положение края, его многонациональность и конфессиональное разнообразие актуализировали в творчестве «певца Урала» особый интерес именно к русскому характеру в его сопоставлении с чертами представителей иных народностей и вероисповеданий. «В произведениях художника предстает достаточно объемный и во многом неоднозначный феномен русского человека как явление поистине общенационального значения. Русский человек в твор-

честве Д. Н. Мамина-Сибиряка – это не просто художественно-эмпирическая данность, но именно цельный ментально-эстетический комплекс, поворачивающийся к читателю одновременно несколькими феноменологическими гранями» [Зырянов 2015: 83]. Художественная антропология Мамина разнообразна: во многих произведениях писателем осмысляются не только положительные черты характера русского человека, но и отрицательные – неорганизованность, надежда «на авось», пьянство, безудержность, семейный деспотизм. Однако есть в творчестве Мамина произведение, в котором в образе главного героя во всей полноте раскрыты красота и сила русского характера, но одновременно обозначены его сложность, многогранность и загадочность. Цель настоящей работы – рассмотреть образ главного героя исторической повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови», раскрыть проявления самобытно-национального начала (русской ментальности) в чертах его характера, типе сознания, ценностных мотивировках поступков.

В жанре исторической повести Маминим созданы только два произведения – «Братья Гордеевы» (1891) и «Охонины брови» (1892). В первой повести раскрывается обстановка заводской жизни 40-х гг. XIX в., действие второй происходит в Зауралье времен пугачевщины. Повесть «Охонины брови» была написана в течение года, однако материал к ней накапливался на протяжении несколь-

ких предшествующих лет: в 1884 г. писатель был принят в Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) и постоянно путешествовал по Уралу и Зауралью, участвуя в археологических экспедициях и собирая местный фольклор. В 1890–1891 гг. Мамин специально посетил место событий своей будущей повести – город Далматово и расположенный на его территории Далматовский Успенский мужской монастырь, изучил его архив и документы. Он также посетил своего дядю по материнской линии Александра Колесникова, проживавшего в соседнем с городом Далматово селе Широково (ныне село Широковское Далматовского района Курганской области) и служившего в Широковской церкви священником. От дяди писатель услышал и записал много преданий и устных рассказов о местных восстаниях и волнениях – «дубинщине» (1762–1764) и пугачевщине (это движение затронуло далматовский край в 1774 г.) [см.: Широкова 2013: 29]. Помимо этого, Мамин изучил большое количество исторических документов и публикаций, связанных с основанием города Далматово и с восстанием Пугачева. О серьезности подготовки говорит и тот факт, что изначально повесть предназначалась автором для печати именно в историческом, а не в литературно-художественном журнале. Прототипами некоторых персонажей повести послужили конкретные исторические личности, а местные географические объекты и населенные пункты либо были оставлены под своими названиями, либо переименованы автором в «литературных двойников» (термин Г. Л. Девятайкиной) [см.: Девятайкина 2009]. Под своими наименованиями в повести фигурируют памятник природы, урочище Охонины брови и слобода Служняя – так город Далматово назывался до 1691 г. Остальные местные топонимы переименованы Маминым, но легко узнаваемы: город Шадринск выведен в повести под названием Усторожье; Каменский завод переименован в Баламутский завод; Далматовский монастырь

– в Прокопьевский монастырь; Введенский женский монастырь – в Дивью обитель; река Исеть, на которой стоит город Далматово, – в реку Яровую. Однако историзм повести обусловлен не только обращением к конкретному историческому событию, изучением архивных материалов, узнаваемостью прототипов и местных топонимов, но «прежде всего, следованием автора конкретным принципам историзма – детерминированности сознания героев контекстом исторической эпохи, приверженностью писателя народной системе ценностей, углубляющейся перспективе социологического зрения» [Зырянов, Коноплева 2020: 1175].

В название повести «Охонины брови» внесено имя одного из ее женских персонажей (девушки по имени Охоня), что, казалось бы, предполагает особый статус этого женского образа. Однако, по общему мнению исследователей, главным героем повести является другой персонаж – отец Охони, дьячок из Служней слободы Арефа Кузьмич. Прототипом Арефы, как отмечено исследователями, стал оказавший большое влияние на юного Мамина дьяк местной церкви из поселка Висим Николай Матвеевич Дюков (Матвейч) [см.: Боголюбов 1950: 344; Кусков 1965: 48; Гурьевских, Паэгле, Фишелева 2020: 195–196]. В. Кусков предполагает, что прообразом Арефы мог также послужить любимый Маминым герой древнерусской литературы – протопоп Аввакум¹: «Подобно Аввакуму, Арефа идеальный семьянин, он никогда не теряет присутствия духа, оба они с юмором относятся к тем превратностям судьбы, которая обрушивает на них свои удары» [Кусков 1965: 49].

Образ дьячка Арефы многогранен, можно даже сказать, амбивалентен, одновременно сочетает в себе комическое и трагическое начала.

В советской литературной критике основное внимание при анализе этого образа уделялось его комической стороне, которая была почерпнута Маминым из фольклорных источ-

¹«В 1893 г. “Русская мысль” предложила своим авторам анкету, которая раскрывала их художественно-эстетические вкусы и запросы. На вопрос “Любимый из героев действительности” Мамин ответил: “Поп Аввакум”. Это признание является еще одним подтверждением того, что масштабная личность Аввакума постоянно присутствовала в его писательском сознании и была одним из родников, питавших его творчество» [Комогорцева 2007: 265].

ников [Китайник 1955; Дергачев 1976]. Мамин использует разные формы проявления фольклора в построении образа Арефы. Это в первую очередь язык: речь Арефы наполнена поговорками, меткими народными выражениями, диалектными словами, лексикой народных заговоров и заклинаний. При описании внешности Арефы и некоторых его поступков автор обращается к традициям народной волшебной сказки и русского анекдота. Так, описывая неказистый вид Арефы, автор тут же подчеркивает его физическую богатырскую силу: «Худенькое и сморщенное лицо Арефы с козлиною бородкой во время разговора все подергивалось, точно сейчас под кожей у него были натянуты нитки. Сгорбленный и худой, он казался старше своих лет, но это только казалось, а в действительности это был очень сильный мужчина, поднимавший одною рукой семь пудов. Синий подрясник из домашней крашенины придавал ему вид отшельника. Желтые волосы были заплетены в две жиденьких косички, постоянно вылезавших из-под высокого стоячего воротника подрясника» [Мамин-Сибиряк 1950: 8].

Арефа – это тип сказочного простеца, горючего и проходящего через множество мытарств, при этом стойкого и выносливого не только физически, но и нравственно. Сказочность проявляется и во все усиливающейся тяжести испытаний героя: «Динамическая легкость сказки находит соответствие в рассказе об испытаниях, возрастающих по степени риска от эпизода к эпизоду. Переходя из “узилища” в “узилище”, Арефа, наконец, оказывается на огнедышащих заводах Гарусова, в мрачных пропастях медных рудников, метафорически уподобляемых писателем картинам ада и адских мучений, работающих там. Здесь и далее сказка уступает место анекдоту, а странствия Арефы сближаются с легендарными “хождениями по мукам” апокрифических героев» [Пилипюк 1991: 50]. Таким образом, фольклорное начало в образе Арефы проступает в портретных зарисовках, в стиле его речи, в поведенческих реакциях и соотносится с жанрами русского анекдота и волшебной сказки, а также с апокрифами – произведениями неканонической религиозной литературы.

В современном литературоведении с его обновленной методологической базой ис-

следований появился целый ряд работ, где внимание обращено к другой стороне образа Арефы. Показательно в этом отношении говорящее название статьи Г. К. Щенникова «Непрочитанный Д. Н. Мамин-Сибиряк», в которой автор призывает обратить внимание на «не поднятые еще пласты маминского чернозема» [Щенников 2002: 30]. Исследователь говорит о необходимости по-новому взглянуть на отдельные произведения писателя, в том числе на повесть «Охонины брови», которая, по большому счету, обращена «не к социальным конфликтам и жизни массы, а к личной судьбе, к коллизиям этическим и экзистенциальным» [Там же: 30]. Если в советском литературоведении соотношение личной судьбы главного героя повести и социального конфликта (пугачевского восстания) понималось однобоко, то в настоящее время исторический процесс рассматривается «не как “движение самих масс”, а как слом личной судьбы человека» [Там же: 30]. Необходимость рассмотрения произведений Мамина с новейших позиций аксиологического и этноконфессионального подходов, принципов геопоэтики и имагологии неоднократно подчеркивается в работах О. В. Зырянова [см.: Зырянов 2012; 2014].

Повесть «Охонины брови» посвящена не только историческим событиям, но обращена к духовным ценностям и семейным отношениям, а образ ее главного героя гораздо сложнее: помимо комической и фольклорной составляющей, он связан с «глубинным уровнем авторской аксиологии» [Зырянов 2014: 195], с верностью автора православно-христианской системе ценностей. На наш взгляд, рассматривая проявления самобытно-национального начала в характере главного героя повести, необходимо учитывать социальный статус Арефы, его принадлежность к одному из разрядов церковнослужителей. Этим объясняется, в частности, и насыщенность речи главного героя (помимо народных выражений и пословиц) старославянизмами и библиизмами [см.: Генкель 1953]. Национальные черты характера героя повести коррелируют с его профессиональной и конфессиональной принадлежностью к христианской культуре.

В образе Арефы Мамин подчеркивает такие национальные свойства характера, как

сила духа, стойкость, способность достойно, по совести, пройти через испытания, помогая при этом другим. Так, Арефа, сам постоянно попадая во все более и более тяжелые жизненные обстоятельства, всегда приходит на помощь окружающим, даже своим врагам. Не случайно автор наделяет этого героя умением врачевать, залечивать раны. Арефа знает множество заговоров от недугов и болезней, за что другие герои повести называют его «волхитом» и колдуном: «Дьячок-то Арефа зазнамый волхит. <...> Да уж верно: и кровь умеет заговаривать, и траву всякую знает. Кого змея укусит, лошадь разнеможется, с глазу кому попритчится, – все к Арефе идут. Не прост человек, одним словом...», – дает Арефе характеристику писчик Терешка [Мамин-Сибиряк 1950: 17]. Показательно и отношение Арефы к своему истязателю – заводчику Гарусову, которого дьячок не выдал и которому старался всячески помочь во время плена у башкир. Арефа неоднократно выступает в образе доброго пастыря, необходимого людям в трудных обстоятельствах, особенно в последние минуты жизни. Свой человеческий и профессиональный священнический долг Арефа выполняет, попав в тюрьму на руднике. Здесь Арефа пытается помочь умирающему рабочему Трофиму, оборвав полу своего подрысника и обвязав ею голову больного, а затем, после смерти Трофима, исполнив над усопшим церковные обряды на исход души. «Картина умирания Трофима с мыслью о “женишке” и “ребятенках” под заунывное чтение дьячком зауспокойных канон в глубине рудника принадлежит к числу сильных мест повести» [Боголюбов 1950: 349]. Потрясенный гибелью рабочего, отзывчивый к чужому горю Арефа впоследствии изъявляет желание подать в суд на заводчика Гарусова за смерть «единоумершего хрестьянина Трофима» и стойко выдерживает последовавшее за этим еще более сильное двухнедельное наказание в тюрьме. «Арефу не раз спасает его феноменальная выносливость, богатырское терпение и волевая напористость – по-видимому, тоже национальный комплекс, веками выработанный русским человеком» [Щенников 2002: 31].

Усиливающиеся от эпизода к эпизоду испытания, через которые проходит главный герой, не случайно вызывают у исследователей

ассоциации с древнеславянским апокрифом «Хождение Богородицы по мукам» [Пилипчук 1991] и позволяют назвать Арефу «страстотерпцем», мучеником, претерпевшим страдания во имя Иисуса Христа [Щенников 2002: 31]. Возрастающие по степени риска от эпизода к эпизоду испытания, выпавшие на долю дьячка, поистине впечатляют: сначала он оказывается по ложному обвинению прикованным к железному пруту в судной избе; затем попадает на завод Гарусова, который ставит дьячка на самую тяжелую работу у горячих плавильных печей, а после отправляет в сырой и холодный забой медного рудника; за инакомыслие Арефу заковывают в железную рогатку и сажают на цепь в заводской тюрьме; во время побега он попадает в плен к башкирам, а затем в стан пугачевцев; подчиняясь воле атамана Белоуса, вынужден писать «подметные письма», тем самым обрекая себя на последующие репрессии со стороны властей; во время бунта теряет дочь; после подавления восстания судим и пострижен в монахи; через несколько лет после пострига теряет рассудок. Однако все испытания Арефа переносит со свойственной русскому характеру кротостью: «Нечто национальное автор постоянно отмечает в его отношении к людям, и это национальное прямо противоположно тому свойству народа, которое постоянно акцентировал историк-литературовед Е. А. Боголюбов: не вражду к угнетателям и готовность кровавой борьбы с ними, а кротость, богобоязненность и – что особенно важно – органическое благоволение к другому человеку постоянно обнаруживает Арефа» [Там же: 31]. Он переносит все страдания, свято веря в помощь преподобного Прокопия, давшего имя Прокопьевскому монастырю в Служней слободе. Арефа постоянно молится Прокопию и во всех жизненных перипетиях уверенно заявляет: «Одна надежда на нашего заступника Прокопия, иже о Христе юродивого» [Мамин 1950: 9]. Оказавшись в заводской тюрьме (по подсчетам самого героя, в четвертом узилище), Арефа размышляет: «Любя господь наказует, и нужно любя терпеть» [Там же: 53].

Верность христианским ценностям проявляется у Арефы в том, как он относится к пугачевскому восстанию и к раскольникам, применительно к которым Мамин использует

исторический термин «двоеданы». Когда воевода советует Арефе укрыться на заводе у Гарусова, Арефа замечает своей жене: «Не то горько мне, што в ссылку еду и тебя одну опять оставлю, а то горько, што на заводах все двоеданы живут. Да и сам Гарусов двоеданит и ихнюю руку держит... Тошно и подумать-то, Домна Степановна» [Там же: 24]. По прибытии на завод Арефу «главным образом огорчало то, что все рабочие были раскольники-двоеданы. Они косились на его подрясник и две косицы» [Там же: 48]. Нежелание Арефы быть на стороне пугачевцев вызвано среди прочего слухами о том, что сам Пугачев – раскольник и молится двоеданским крестом. Таким образом, Мамин подчеркивает, что Арефа не просто набожный дьячок из монастыря, но человек глубоко верующий, строго следующий православным представлениям о расколе как о большом заблуждении и грехе. Известно, что Мамин с детских лет интересовался движением старообрядчества [см.: Соболева 2002] и эта тема не только волновала его на протяжении всего творческого пути, но «претерпевала изменения от ранних рассказов к зрелым романам и рассказам конца 1890-х – начала 1900-х гг.» [Созина, Зырянов, Щенников 2020: 1137]. В анализируемой повести отношение к раскольникам дается сквозь призму сознания дьячка Арефы, и отношение это резко отрицательное. Оно подчеркивает приверженность героя повести национально-духовной системе ценностей, закрепленной в каноническом православии. В советской литературной критике этот факт игнорировался, а главный герой представлялся борцом с угнетателями, при первой же возможности добровольно вступившим в ряды пугачевцев. Однако если обратиться к тексту повести, можно увидеть, что Арефа оказывается в стане пугачевцев не по своей воле и что его изначально отталкивали от повстанцев их принадлежность к течению старообрядчества, а также личное отношение к явлению бунта.

Поистине христианское участие проявляет Арефа к дочери Охоне. Его жена Домна Степановна попала в плен к башкирам и принесла из этого плена дочь Охоню, но, следуя христианской этике поведения, Арефа принял ребенка, вырастил и называл ее «богоданной дочкой». «Может, она поближе, чем своя,

а как уж она мне приходится, и сам не разберу... <...> вышла радость на старости лет. За свою растим... Бог дал Охоню», – объясняет он казаку Белоусу [Мамин 1950: 11–12]. Сторонний взгляд попадьи Миронихи на семейную ситуацию Арефы также подчеркивает особое отношение родителей к своей дочери: «Отец с матерью не надышатся на свою Охоньку... Другие бы стыдились, што приبلудная она, а они радуются» [Там же: 32]. «Глубокая привязанность к дочери Охоне, привезенной младенцем из “орды”, где жена была пленницей, – отмечает Г. К. Щенников, – тоже знак подлинно христианских чувств крестьянина-дьячка» [Щенников 2002: 31].

На протяжении всей повести Мамин постоянно подчеркивает важность для Арефы семейных отношений и чувства дома. В этом смысле представляется не случайным выбранное автором для главного героя имя Арефа, которое имеет несколько трактовок. Согласно одной из них, приведенной в словаре А. В. Суперанской, у имени греческие корни и оно образовано от слова *arete*, что означает «доблесть, добродетель, славные деяния» [Суперанская 2003: 116]. Вторая трактовка представлена в словаре Н. А. Петровского: имя Арефа образовано от арабского слова *harata* – «обрабатывать землю, пахать» [Петровский 200: 60]. Имя собственное оказывается у Мамина играющим важную роль в реализации идейно-художественного замысла писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Все значения этого имени отражены в линии жизни главного героя: он не только обладает высокими национальными качествами характера, доблестно выдерживает все жизненные невзгоды, но также ориентирован на семейные отношения, на ведение своего хозяйства, на возделывание своей земли. И действительно, дьячок Арефа постоянно заботится о своем домашнем хозяйстве, а находясь вне дома, часто думает о своей жене и дочери, об их благополучии. Единственным его стремлением в жизненных перипетиях становится желание поскорее вернуться к домашнему очагу: «Мысль о дьячихе постоянно его преследовала, как было и теперь. Что-то она подельвает без него, мил-сердечный друг?» [Мамин-Сибиряк 1950: 47]; «Эх, кабы еще кобылу добыть, так и того бы лучше. А там и своя Служняя

слобода, и дьячиха Домна Степановна, и милая дочь Охонюшка, и поп Мирон, и весь благоуветливый иноческий чин. Точно ножом кто ударит, как только вспомнит Арефа про свое тихое убежище» [Там же: 57–58]. Между Арефой, его женой Домной Степановной и дочерью Охоней необычайно крепка семейная связь, которая проявляется не только в их постоянном желании быть вместе, но также в речи. Не случайно в самом начале повести Охоня говорит воеводе: «Я – отецкая дочь», следовательно, никому больше, кроме своей семьи, она принадлежать не может. Как поистине любящая дочь, она вымаливает у грозного воеводы обещание отпустить отца из судной избы: «Ущити, воевода, честную отецкую дочь! <...> Батю отдай, воевода... моего батю... Безвинно он на цепь посажен. Мамушка слезами изошла...» [Там же: 13]. Арефа обращается к дочери не иначе как «Охонюшка», а Домна Степановна к мужу – «родимый ты мой», «солнышко ты мое красное» [Там же: 24]. Стоит отметить, что и в плен к башкирам, из которого Домна Степановна вернулась с дочерью Охоней, героиня попадает потому, что не хотела оставаться дома одна без мужа. «Еще при игумене Поликарпе вышло-то, когда он меня на неводьбу в орду посылал, на степные озера, – рассказывает Арефа атаману Белоусу историю своей семейной жизни. – Съездил я до трех раз и все благополучно: преподобный Прокопий пронесил, а тут моя-то дьячиха и увязись за мной. «Скушно мне без тебя, Арефа, поеду с тобой»» [Там же: 11].

Однако Мамин «расширяет» у Арефы привязанность к семье, наделяя главного героя повести необыкновенно сильным чувством любви к своей малой родине – к Прокопьевскому монастырю и к Служней слободе. Приведем несколько примеров: «Все домой тянет: не могу без Служней слободы жить» [Там же: 9], – говорит Арефа; «... расстаться с Служнею слободой тяжело. Ох, как тяжело, до смертыньки!» [Там же: 19]; «А Яровая-то как разливется... Арефа глядел по сторонам и не мог налюбоваться. <...> Арефа пал на землю и долго молился на святую обитель, о которой день и ночь думал, сидя в своем затворе» [Там же: 23]; «Подъезжая к заводу, Арефа испытывал неприятное чувство: все кругом было чужое – и горы, и лес, и каменистая заводская до-

рога. Родные поля и степной простор оставались далеко позади, и по ним все больше ныло сердце Арефы» [Там же: 44]; «Ему нужно было идти вместе с другими в особую казарму. Но он сначала прошел в господскую конюшню и разыскал свою кобылу: это было единственное родное живое существо, которое напоминало ему и Служную слободу, и свой домишко, и всю дьячковскую худобу. Арефа обнимал кобылу и обливал слезами. Он тут бы и ночевать остался, если бы конюхи не выгнали его» [Там же: 49]; «Обрадовалось сердце Арефы, когда он увидел родную реку, которая отсюда скатывалась под самый Прокопьевский монастырь и дальше в “орду”» [Там же: 53]. В русском языке слова «род», «родители», «родственники» в значении «семья» являются однокоренными с более широким понятием «родина» в значении местности, в который человек родился и живет (так называемая «малая родина»), и в значении «страна». Беспредельная любовь к родине – одно из национальных качеств русского человека, чем он всегда удивлял и удивляет представителей иных народностей. Главный герой анализируемой повести в полной мере наделен чувством родины, очерченной в его сознании – сознании маленького человека XVIII столетия – кругом семьи, территорией родного города и монастыря. Повесть Мамина нередко сравнивают с повестью А. С. Пушкина «Капитанская дочка», также посвященной событиям пугачевщины и осмыслению судьбы отдельной человеческой личности в водовороте больших исторических событий. Однако Петр Гринев по социальному статусу – дворянин и потому мыслит несколько иными категориями в отличие от крестьянина-дьячка Арефы. Мамин неоднократно подчеркивает, что герой его повести – «маленький человек»: «Смущение напало на Арефу при виде монастырских стен. Ах, неладно... Но что он может сделать, маленький человек?» [Там же: 83]; «Ничего, не бойся, – говорит Арефа своей жене, – маленькие мы люди, с нас и ответ не велик» [Там же].

Именно к родным людям и к родным местам Арефа стремится поскорее вернуться сначала из застенков воеводы, затем с завода и с рудников, затем из башкирского плена и, наконец, из стана пугачевцев. Пройдя через все испытания, Арефа вдруг – как отмечает О.

В. Зырянов: «мотив чуда!» [Зырянов 2014: 195] – оказывается в стенах родного Прокопьевского монастыря на паперти. «Всех удивило только одно: когда инок Гермоген пошел в церковь, то на паперти увидел дьячка Арефу, который сидел, закрыв лицо руками, и горько плакал. Как он попал в монастырь и когда – никто и ничего не мог сказать» [Мамин 1950: 90]. Кульминацией жизненных испытаний Арефы и долгожданного возвращения в любимый родной городок Служня слобода становится исполнение давнего желания героя постричься в монахи. Следует отметить, что посвятить свою жизнь Богу хотят несколько героев повести: дьячок Арефа, послушник Прокопьевского монастыря Гермоген (в миру Герасим), воеводша Дарья Никитична и попадья Мируниха. Удастаиваются пострижения только Гермоген, смелый защитник монастыря от пугачевцев, и «страстотерпец» Арефа, прошедший через множество тяжелых жизненных невзгод, унижений и несчастий. При пострижении главный герой получает новое имя – Агафангел, что означает «добрый вестник» [Суперанская 2003: 100]. При этом пострижением в монахи власть пыталась наказать Арефу за участие (пусть и не преднамеренное) в восстании пугачевцев, однако на самом деле для него пострижение было давней мечтой: «Не будь дьячихи, Арефа давно бы постригся в монахи, как Герасим. Да и не стоило на миру жить. Отдохнуть хотел Арефа

и успокоить свою грешную душу. Будет, до зла-горя черпнул он мирской суеты, и пора о душе позаботиться. Всегда Арефа завидовал нескверному иноческому житию, и сама дьячиха уже не один раз говорила ему, что пора за божье дело приниматься, а о мирском позабыть» [Мамин 1950: 23]. Исполнение этого желания становится наградой за высокие моральные качества главного героя и за перенесенные им испытания.

В образе главного героя исторической повести «Охонины брови» Д. Н. Мамин-Сибиряк воплотил лучшие свойства русского национального характера: патриотизм, мужество, физическую и нравственную стойкость, терпеливость, кротость, богобоязненность, духовно-нравственный настрой, совесть, умение сопереживать, заботу о других, страдание, верность нравственным идеалам и православно-христианской системе ценностей. Автор намеренно наделяет своего героя неприметной и негероической внешностью, чтобы подчеркнуть силу его духа, а сочетание комического и трагического начал позволяет писателю создать многогранный образ русского человека. Воплощенные в образе главного героя высокие национальные качества, поставленные этические, экзистенциальные вопросы углубляют представления об аксиологической системе художественного мира писателя, духовно-религиозной составляющей его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Боголюбов, Е. А. Комментарии. «Охонины брови» / Е. А. Боголюбов // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 7. – Свердловск : Свердловское областное государственное издательство, 1950. – С. 328–353.
- Генкель, М. А. Из наблюдений над словарным составом исторической повести Мамина-Сибиряка «Охонины брови» / М. А. Генкель // Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Сто лет со дня рождения, 1852–1952 : материалы научной конференции / отв. ред. В. В. Кусков. – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1953. – С. 144–161.
- Гурьевских, О. Ю. Геокультурное пространство Среднего Урала в литературном наследии Д. Н. Мамина-Сибиряка / О. Ю. Гурьевских, Н. М. Паэгле, А. И. Фишелева // Вопросы географии. – 2020. – № 151. – С. 186–224.
- Девятайкина, Г. Л. Поэтика пространства и топонимический код в уральской прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка : дис. ... канд. филол. наук / Девятайкина Г. Л. – Екатеринбург : [б. и.], 2009. – 217 с.
- Дергачев, И. А. Фольклор в художественной системе Д. Н. Мамина-Сибиряка / И. А. Дергачев // Фольклор Урала. Вып. 2: Литература и фольклор. – Свердловск : Уральский государственный университет, 1976. – С. 22–33.
- Зырянов, О. В. На перекрестке национально-культурных традиций: русский человек в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / О. В. Зырянов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142). – С. 83–97.
- Зырянов, О. В. Повести [Д. Н. Мамина-Сибиряка] / О. В. Зырянов, Е. А. Коноплева // История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. Кн. 2 / гл. ред. Е. К. Созина. – Москва : ЯСК, 2020. – С. 1174–1191.
- Зырянов, О. В. Русская классическая словесность в этноконфессиональной перспективе / О. В. Зырянов. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. – 216 с.
- Зырянов, О. В. Художественная аксиология Д. Н. Мамина-Сибиряка. Общероссийский статус уральского писателя / О. В. Зырянов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 124–136.

Китайник, М. Г. Д. Н. Мамин-Сибиряк и народное творчество / М. Г. Китайник. – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1955. – 167 с.

Комогорцева, Г. Ю. Тип священнослужителя в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Великий грешник» (в контексте «Жития» Аввакума и «Соборян» Н. С. Лескова) / Г. Ю. Комогорцева // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики) : сб. науч. ст. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2007. – С. 249–266.

Кусков, В. Традиции Н. В. Гоголя в исторической повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» / В. Кусков // Доклады 1964 года / Свердл. лит. музей им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1965. – С. 38–51.

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 7 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Свердловск : Свердловское областное государственное издательство, 1950. – 364 с.

Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – Изд. 6-е, стер. – М. : Русские словари ; Астрель, 2000. – 477 с.

Пилипюк, Е. Л. Фольклорные жанры и мотивы как источники традиций в повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» / Е. Л. Пилипюк // Материалы межвузовской научно-практической конференции филологов. – Балашов : БГПИ, 1991. – С. 49–52.

Соболева, Л. С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. С. Соболева // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 97–122.

Созина, Е. К. Романы уральского цикла [Д. Н. Мамина-Сибиряка] / Е. К. Созина, О. В. Зырянов, Г. К. Щенников // История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. Кн. 2 / гл. ред. Е. К. Созина. – Москва : ЯСК, 2020. – С. 1122–1149.

Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М. : ЭКСМО, 2003. – 542 с.

Широкова, В. Потомки Широкова: (история села Широковского Далматовского района) / В. Широкова. – Шадринск : Шадринский дом печати, 2013. – 254 с.

Щенников, Г. К. Непрочитанный Д. Н. Мамин-Сибиряк / Г. К. Щенников // Урал. – 2002. – № 11. – С. 29–38.

REFERENCES

Bogolyubov, E. A. (1950). Kommentarii. «Okhonyiny brovi» [Comments. “Okhonya’s Eyebrows”]. In Mamin-Sibiriyak D. N. Sobraniye sochineniy: v 12 t. Vol. 7. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel’stvo, pp. 328–353.

Dergachev, I. A. (1976). Fol’klor v khudozhestvennoy sisteme D. N. Mamina-Sibiriyaka [Folklore in the Artistic System of D. N. Mamin-Sibiriyak]. In Fol’klor Urala. Issue 2: Literatura i fol’klor. Sverdlovsk, Ural’skii gosudarstvennyi universitet, pp. 22–33.

Devyataikina, G. L. (2009). Poetika prostranstva i toponimicheskii kod v uralskoi proze D. N. Mamina-Sibiriyaka [Poetics of Space and Toponymic Code in the Ural Prose of D. N. Mamin-Sibiriyak]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 217 p.

Genkel, M. A. (1953). Iz nablyudenii nad slovnym sostavom istoricheskoi povesti Mamina-Sibiriyaka «Okhonyiny brovi» [From Observations on the Vocabulary of the Historical Story of Mamin-Sibiriyak “Okhonya’s Eyebrows”]. In Kuskov, V. V. (Ed.). Dmitriy Narkisovich Mamin-Sibiriyak. Sto let so dnya rozhdeniya, 1852–1952: materialy nauchnoi konferentsii. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel’stvo, pp. 144–161.

Guryevskikh, O. Yu., Paegle, N. M., Fischeleva, A. I. (2020). Geokul’turnoe prostranstvo Srednego Urala v literaturnom nasledii D. N. Mamina-Sibiriyaka [Geocultural space of the Middle Urals in the Literary Heritage of D. N. Mamin-Sibiriyak]. In Voprosy geografii. No. 151, pp. 186–224.

Kitaynik, M. G. (1955). D. N. Mamin-Sibiriyak i narodnoe tvorcestvo [D. N. Mamin-Sibiriyak and Folk Art]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel’stvo. 167 p.

Komogortseva, G. Yu. (2007). Tip svyashchennosluzhitelya v rasskaze D. N. Mamina-Sibiriyaka «Velikii greshnik» (v kontekste «Zhitiya» Avvakuma i «Soboryan» N. S. Leskova) [The Type of Clergyman in D. N. Mamin-Sibiriyak’s Story “The Great Sinner” (in the Context of Avvakum’s “Life” and N. S. Leskov’s “Soboryan”)]. In Klassicheskaya slovesnost’ i religiozniy diskurs (problemy aksiologii i poetiki): sb. nauch. st. Ekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta, pp. 249–266.

Kuskov, V. (1965). Traditsii N. V. Gogolya v istoricheskoi povesti D. N. Mamina-Sibiriyaka «Okhonyiny brovi» [Traditions of N. V. Gogol in the Historical Novel by D. N. Mamin-Sibiriyak “Okhonya’s Eyebrows”]. In Doklady 1964 goda. Sverdlovsk, Sredne-Ural’skoe knizhnoe izdatel’stvo, pp. 38–51.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (1950). Sbranie sochinenii: v 12 t. [Collected Works, in 12 vols.]. Vol. 7. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel’stvo. 364 p.

Petrovsky, N. A. (2000). Slovar’ russkikh lichnykh imen [Dictionary of Russian Personal Names]. 6th edition. Moscow, Russkie slovari, Astrel’. 477 p.

Pilipyuk, E. L. (1991). Fol’klornyye zhanry i motivy kak istochniki traditsii v povesti D. N. Mamina-Sibiriyaka «Okhonyiny brovi» [Folklore Genres and Motifs as Sources of Traditions in D. N. Mamin-Sibiriyak’s Story “Okhonya’s Eyebrows”]. In Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii filologov. Balashov, BGPI, pp. 49–52.

Shchennikov, G. K. (2002). Neprochitannyy D. N. Mamin-Sibiriyak [Unread D. N. Mamin-Sibiriyak]. In Ural. No. 11, pp. 29–38.

Shirokova, V. (2013). Potomki Shirokova: (istoriya sela Shirokovskogo Dalmatovskogo raiona) [Descendants of Shirokov: (The History of the Village of Shirokovsky, Dalmatovsky District)]. Shadrinsk, Shadrinskii dom pechaty. 254 p.

Soboleva, L. S. (2002). Istoki predstavlenii o staroobryadchestve v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka [The origins of Ideas about the Old Believers in the Work of D. N. Mamin-Sibiriyak]. In Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. No. 24, pp. 97–122.

Sozina, E. K., Zyryanov, O. V., Shchennikov, G. K. (2020). Romany ural'skogo tsikla [D. N. Mamina-Sibiriyaka] [Novels of the Ural cycle [D. N. Mamin-Sibiriyak]]. In Sozina, E. K. (Ed.). Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn. Book 2. Moscow, YaSK, pp. 1122–1149.

Superanskaya, A. V. (2003). Slovar' russkikh lichnykh imen [Dictionary of Russian Personal Names]. Moscow, EKS-MO. 542 p.

Zyryanov, O. V. (2012). Khudozhestvennaya aksiologiya D. N. Mamina-Sibiriyaka. Obshcherossiiskii status ural'skogo pisatelya [Artistic Axiology of D. N. Mamin-Sibiriyak. All-Russian Status of the Ural Writer]. In Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. No. 4 (108), pp. 124–136.

Zyryanov, O. V. (2014). Russkaya klassicheskaya slovesnost' v etnokonfessional'noi perspektive [Russian Classical Literature in the Ethno-Confessional Perspective]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 216 p.

Zyryanov, O. V. (2015). Na perekrestke natsional'no-kul'turnykh traditsii: russkii chelovek v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka [At the Crossroads of National and Cultural Traditions: A Russian Person in the Work of D. N. Mamin-Sibiriyak]. In Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. No. 3 (142), pp. 83–97.

Zyryanov, O. V., Konopleva, E. A. (2020). Povesti [D. N. Mamina-Sibiriyaka] [Tale [D. N. Mamin-Sibiriyak]]. In Sozina, E. K. (Ed.). Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn. Book 2. Moscow, YaSK, pp. 1174–1191.

Данные об авторах

Аболина Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5.

E-mail: t.m.abolina@gmail.com.

Author's information

Abolina Tatyana Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Publishing, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 10.02.2023; дата публикации: 30.03.2023

Date of receipt: 10.02.2023; date of publication: 30.03.2023